

«Британник» на сцене

НА ПОСЛЕДНИЙ

ИССЛЕДОВАТЕЛИ Расина спорили о том, кто главный герой «Британника» — Агриппина, Британник или Нерон. В спектакле, показанном москвичам драматической труппой Мари Белль, эта проблема решена определенно. Его герой — Нерон, «тиран в зародыше, тиран будущий». В нынешнем сезоне, кроме «Британника», парижане увидели еще две пьесы о деспотизме диктатора — «Вполне удержимый подьем Артуро Уй» Бертольта Брехта (ТНП) и «Душитель» Фелисьена Марсо (Театр Ренессанс). Тема тирании волнуется французский театр, ибо в ней слышится отзвук современности.

Нарочито громко, раскатистым, «императорским» голосом отдает Нерон (Поль-Эмиль Дейбер) свой первый приказ — сослать Палласа в изгнание. Он подкрепляет распоряжение властным жестом руки. И вдруг, через секунду, капризно и неуверенно кричит вслед уходящему наставнику. Так мы получаем ключ к решению образа: диктатура — удел слабого. Нерон труслив и податлив, он из породы тех, кто устраняет соперников, а не меряется с ними силой. В «Британнике» Нерон на пороге тирании. Здесь он совершает свое первое преступление — убийство сводного брата. В течение всей пьесы Нерон-Дейбер пробует новый для него метод правления — подлость; он оказывается эффективным, но увлекает на путь преступления. Мы верим Дейберу в последней сцене, когда его Нерон, вкусивший сладость власти, поднимает руку на мать — последнее препятствие на пути к неограниченному могуществу.

Мари Белль играет в Агриппине агонию абсолютной власти. Она родила чудовище, которому суждено ее убить, и борется с ним до конца, даже тогда, когда ясно, что игра бесповоротно проиграна. Она плоть от плоти императорского двора.

Актриса отказывается от односторонней трактовки образа: ее преступная Агриппина вызывает и отвращение, и жалость к поруганной матери, и симпатию тем, что в ней не угасает дух борьбы. Наедине с собой Агриппина может сомневаться, метаться, страдать; действуя, она лишена сомнений и с яростной решимостью обрушивается на противника. Она цепляется за власть, прибегая к угрозам, иронии, лести, нежности.

Мари Белль в роли Агриппины в какой-то степени освобождается от плена классическостической формы расиновской трагедии. Минимум внешнего действия актриса восполняет

богатством психологических деталей. Она создает свой основательный и органичный подтекст роли. Узнав о предательстве сына, Агриппина — Мари Белль, задохнувшаяся от ужаса, медленно опускается на трон, которого она до этого не касалась, как на обыкновенный стул, и, уже не слушая Бурра, как бы в забытье, говорит сама с собой.

Спектакль, поставленный Маргерит Жамуа, проникнут атмосферой трагического оживания. Она накаляется до предела в финале, когда облеченное императорской властью Преступление вступает в свои права.

Интересно пластическое решение спектакля. В первой сцене Агриппина, выхваченная светом, притаилась у колонны, замерла, предвидя свою страшную судьбу. Ее пурпурная мантия сливается с дворцовыми занавесями, но лицо — бледная маска страдания. И в той же позе, заигнотизированный

страшной картиной своего кровавого будущего, скорчившись, застывает Нерон в последнем акте.

Мари Белль обладает замечательным профессионализмом. Она в совершенстве владеет голосом, жестом. О ее костюмах (художница Диан Эсмон) хочется сказать особо. Складки условно-стилизованной, так называемой «римской одежды» живут вместе с образом: в шлейфе остается движение, складки мантии сохраняют порыв, судорожный прибой синего шлейфа захлестывает Агриппину в сцене пророчества Нерону.

Мари Белль — одна из крупнейших современных трагических актрис Франции. За годы работы в Комеди франсез и в недавно созданной Мари Белль Драматической труппе она сыграла множество ролей и является, по мнению французской критики, лучшей исполнительницей расиновского репертуара.

М. МАРЕЦКАЯ.